

SAPIENZA
UNIVERSITÀ DI ROMA

DIPARTIMENTO DI LETTERE
E CULTURE MODERNE

LIBERASSOCIAZIONE PAOLO MURATOV
МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ПАВЛА МУРАТОВА

www.pavelmuratovcentre.org

CONVEGNO INTERNAZIONALE
ROMA, 11-12 GIUGNO 2024
EX VETRERIE SCIARRA
via dei Volsci 122

IV LETTURE MURATOVIANE

Pavel Muratov, arcaista e innovatore

SALUTI ISTITUZIONALI

*Dipartimento di Lettere e Culture Moderne,
Sapienza Università di Roma*

*Silvia TOSCANO, Comitato Scientifico e Organizzativo
del Convegno, Sapienza Università di Roma*

INTERVENGONO

Marina ARIAS
Giulia BASELICA
Michaela BÖHMIG
Georges DE CANINO
Patrizia DEOTTO
Donatella DI LEO
Il'ja DORONČENKOV
Lucrezia ERITREI
Anastasija FEDOROVA
Halszka FRYŻLEWICZ
Rita GIULIANI

Natalia GUSEVA
Lena L. LENČEK
Jakob MARGOLIS
Elena MATEVOSJAN
Dar'ja MOSKOVSKAJA
Vadim POLONSKIJ
Elena TAKHO-GODI
Michail TALALAY
Vasily TOLMATCHOFF
Lucia TONINI
Irina VAGANOVA

Per info:
www.pavelmuratovcentre.org

Convegno internazionale
Международная научная конференция

IV Letture muratoviane
IV Муратовские чтения

Pavel Muratov, arcaista e innovatore
Павел Муратов, архаист и новатор

Roma, 11-12 giugno 2024

Abstract delle relazioni

Тезисы докладов

***Привилегированная страна утопий:
образы Италии в произведениях Муратова и Горького***

Марина Ариас-Вихиль

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ИМЛИ РАН)
marina.arias@mail.ru

Оба писателя любили Италию, подолгу жили здесь и запечатлели «свою» Италию. Муратов сделался известным благодаря своим книгам об Италии, Горького же его современники упрекали в том, что в своем творчестве он редко обращался к образам Италии. Однако «Сказки об Италии», первое издание которых вышло в 1913 г., в определенной степени исправили это впечатление: в своих «сказках» Горький совершил собственное путешествие по городам Италии, ведомый свойственным ему интересом к ярким проявлениям итальянской социальной и художественной жизни. Нередко он обращается к тем же историческим фактам и достопримечательностям, что и Павел Муратов, признанный знаток искусства Италии. При всей разнице подходов писателей к изображаемой ими Италии, необходимо признать, что оба они создают художественную утопию, страну своей мечты. Так на карте XX века появляется привилегированная страна утопий, отражающих их представления о гуманистической эволюции жизни гражданского общества, прославляющих творческий гений человека. Эстетическое совершенство создаваемых человеком прекрасных творений искусства соответствует глубокому внутреннему убеждению писателей в возможности преодоления несовершенства и косности повседневной жизни благодаря раскрытию лучших человеческих качеств героев их очерков.

Da Turgenev a Muratov: storia di Dmitrij Petrovič Rudin

Giulia Baselica

Università di Torino
giulia.baselica@unito.it

«Non è un segreto per nessuno che Rudin fosse una persona realmente esistita»: con queste parole Pavel Muratov introduce un racconto biografico dedicato all'eroe eponimo del romanzo turgeneviano Rudin. In *Smert' Rudina* [*La morte di Rudin*, 1918] l'autore integra la lacunosa narrazione «tragicamente breve» che Ivan Turgenev dedicò all'ultima parte della vita di Rudin, sulla base della testimonianza di alcuni discendenti e di documenti scritti, ricostruendo le circostanze che indussero il giovane a lasciare la Russia e a terminare i suoi giorni in Francia. Il presente contributo intende soffermarsi sugli esiti delle ricerche condotte da Muratov, quindi sulle peculiarità della sua rielaborazione letteraria, poste a confronto con la narrazione turgeneviana.

Sulle tracce di Muratov a Berlino (1922-1923)

Michaela Böhmig

Università “L’Orientale” – Napoli
michaelabohmig@gmail.com

In questo contributo si raccolgono le notizie sulla presenza di Pavel Muratov a Berlino negli anni 1922-1923: le sue frequentazioni, la partecipazione alle attività di alcune istituzioni culturali russe (Klub pisatelej, Dom iskusstv, Russkij naučnyj insitut), la collaborazione con «Èpopeja» di A. Belyj e con «Beseda» di M. Gor’kij, la ricezione delle sue opere pubblicate con gli editori russi Gelikon e Gržebin, che, come molti altri, avevano spostato la loro produzione in quella che Struve considera la “capitale letteraria” della diaspora russa.

Xenia Muratova, una romana russa

Georges De Canino

Liberassociazione Paolo Muratov; Roma
decaninogeorges@gmail.com

L’intervento ripercorrerà la storia della lunga amicizia che legò l’artista e Xenia Michajlovna e il profondo amore che per decenni unì Xenia alla Città eterna, fino a farle decidere di aprire proprio a Roma una casa-museo intitolata a Pavel Muratov e a traslocarvi la mobilia di famiglia e gli oggetti legati alla vita del grande intellettuale.

Leonardo da Vinci nella percezione di Muratov tra incanti visionari e razionalismo

Patrizia Deotto

Università degli studi di Trieste
pdeotto@gmail.com

Tra la fine del XIX e l'inizio del XX secolo si assiste in Russia a un rinnovato interesse per la figura di Leonardo da Vinci, indagata negli studi d'arte e nelle opere letterarie.

Muratov non dedica all'artista un saggio e neppure un capitolo delle *Immagini dell'Italia*, ma vi fa riferimento più volte nelle pagine della trilogia dedicate al XV secolo in quanto: "uomo destinato ad incarnare nel modo più pieno e sublime l'inclinazione spirituale del Quattrocento". Il rapporto di Muratov con Leonardo è complesso: riconosce nella personalità tormentata ed enigmatica dell'artista, dalla razionalità quasi "demoniaca", nello "splendido intellettualismo", alimentato da idee di entusiasmante attualità, un sentire vicino all'uomo moderno. Percepisce Leonardo come anello di congiunzione tra l'uomo rinascimentale e l'uomo moderno, e lo accomuna a Botticelli, pittore dall'anima inquieta, minata dal dubbio, che ha perso il semplice e armonioso rapporto con il mondo. La modernità di entrambi si manifesta nella consapevolezza dell'isolamento esistenziale di fronte al quale l'arte, la creazione della bellezza eterna è l'unica via di salvezza. Ed è proprio nell'interpretazione della bellezza creata da Leonardo che emerge l'ambivalente rapporto di Muratov con l'artista: da un lato Muratov è profondamente affascinato dall'ineffabile e magico incanto dei paesaggi che fanno da sfondo ai dipinti dell'artista, dal suo sentire profondamente la vicinanza con il mondo, con le forze primarie della natura, con i suoi misteri. E in questo si riflette la predilezione di Muratov per il romanticismo, il mistero, la grazia dell'incompiutezza, propri alla pittura italiana del Quattrocento. Dall'altro, pur considerando l'*Ultima cena* un'opera d'arte sorprendente, perfetta nell'intensità e nella precisione espressiva dei volti, Muratov non riesce a provare empatia e imputa al razionalismo e alla profonda speculazione filosofica, che stanno alla base del capolavoro leonardesco, di aver decretato la fine gli incantamenti dell'arte del Quattrocento.

Diffusione e ricezione di Pavel Muratov in Italia (1920-1930)

Donatella Di Leo

Università "G. d'Annunzio" Chieti-Pescara
donata.dileo@unich.it

Il presente intervento intende delineare non solo un bilancio della circolazione del pensiero e dell'opera di Pavel Muratov attraverso i canali di mediazione culturale negli anni della sua permanenza in Italia, ma anche la fortuna delle sue opere presso il pubblico dei lettori al di là degli ambienti accademici tramite le edizioni italiane degli scritti degli anni Venti. Considerando le collocazioni editoriali e i paratesti (epitesti e peritesti), si tenterà di ricostruire target e ricezione del pensiero muratoviano e di misurare l'impatto che esso ha potuto avere sui lettori. Sul piano dell'orientamento teorico, in questa operazione non si potrà prescindere dall'estetica della ricezione di Hans Robert Jauss che capovolge l'ottica storicistica della filologia tradizionale, ponendo in relazione dialettica concetti come passato e presente, tradizione e innovazione, autore e lettore sulla base del testo prodotto.

Muratov redivivus? Владимир Вейдле в диалоге с "Обрами Италии" (и с Италией)

Илья Доронченков

ГМИИ / Европейский университет в Санкт-Петербурге
iliad18@gmail.com

Русский искусствовед и филолог Владимир Вейдле (1895–1979) был младшим современником Муратова со сходной судьбой – в 1924 году он эмигрировал в Париж, Франция стала его вторым домом, но Италия как своеобразный целостный организм культуры навсегда стала для него олицетворением наследия, приобщенность к которому делала русских европейцами. В течение десятилетий Вейдле регулярно обращался к образам Италии и итальянского искусства (раздел книги «Вечерний день» (1953), эссе «Похвала Венеции» (1966), брошюра «Рим. Из бесед о городах Италии» (1967), циклы статей «Венеция. 1968» и «Города, городки...» (оба – 1968)). Они фактически образуют книгу, которая, впрочем, никогда не была издана.

«Образы Италии» Муратова представляют собой текст, архетипический для русского взгляда на Италию. Практически любой русский автор 20 века, обращающийся к Италии, должен отрефлексировать свое отношение к этой книге. В предлагаемом докладе, на основе опубликованных статей и воспоминаний, а также материалов ряда архивов США (фонд Вейдле в Колумбийском университете и др.), будет реконструирован диалог Вейдле с Муратовым, выявлена муратовская традиция в его эссеистике, но также, что не менее важно, акцентирована полемичность целого ряда центральных положений «итальянских» текстов Вейдле по отношению именно к Муратову. Она определяется как личными факторами (своеобразное соперничество младшего литератора со старшим), так и идейными различиями, прежде всего, убежденностью Вейдле в религиозном предназначении искусства. Различию взглядов Муратова и Вейдле на Италию способствовала и гораздо большая актуальная политическая заостренность последнего. Для него итальянская культура являлась символом объединяющей «большую Европу» традиции, которая, по убеждению Вейдле, во второй половине 20 века оказалась под угрозой разрушения как со стороны революционных движений, так и буржуазного прагматизма.

Il “sentimento di Roma” in Muratov e in Osorgin

Lucrezia Eritrei

Università di Bologna

lucrezia.eritrei@gmail.com

Nel tentativo di definire il “sentimento di Roma”, si incontrano e intrecciano le figure di Pavel Muratov (1881-1950) e Michail Osorgin (1878-1942). Muratov, scrittore e storico dell’arte, utilizza per primo la definizione nella sua opera *Immagini dell’Italia* (*Obrazy Italii*), mostrando già nell’utilizzo del termine *čuvstvo* (sentimento) una lettura del tutto innovativa ed inedita nella saggistica. Egli, infatti, costruisce e modula una visione di Roma che si muove tra la descrizione dei monumenti, dell’antico e della rovina, trattate con la sapienza di uno storico dell’arte, e il dato esperienziale, fatto di immagini, impressioni, sensazioni, sentimenti. Se infatti la personalità poliedrica di Muratov si mostra debitrice della saggistica europea e della letteratura odeporea, a cui unisce il mito romantico di Roma, egli riesce anche ad affrancarsi, senza farne mai mera ripresa pedissequa. Sensibile alle vestigia antiche, alle grandezze rinascimentali, è altresì capace, in maniera pionieristica, di afferrare le fascinazioni barocche, e di apporre critiche alle brutture edilizie del rinnovamento edilizio postunitario. E il “sentimento” di cui egli vuole lasciare traccia si configura ben oltre la conclamata grandezza storica ed artistica della città. La vera essenza di Roma sembra ritrovarsi all’incontro tra le contraddizioni insite nella città stessa, lì dove l’antico, con una sua stasi immanente, e il moderno, con il brulicare della vita contemporanea, coesistono, e vengono percepite unitarie dall’occhio in primis, ma dallo spirito e dall’animo poi, che vibra elevandole a visione compiuta. Ad interrogarsi su questa *conditio animi* ritorna, a distanza di pochi anni, anche Michail Osorgin nel suo *Schizzi dall’Italia contemporanea* (*Očerki sovremennoj Italii*, 1913), opera vivacissima e moderna, di un autore ancora inspiegabilmente poco noto in Italia. Non è affatto casuale che, in apertura al capitolo su Roma, Osorgin scelga la ripresa del sentimento di Muratov, ponendosi quasi come suo prosecutore ideale. Ma nella visione di Osorgin, rivoluzionario, giornalista, scrittore, esule in Italia, essa si colora di connotazioni nuove. Roma è “amore per la patria” e si personifica mutevolmente: “culla dello spirito errante”, “vecchio signore che non perde mai dignità”, “amante compiacente”. Alla descrizione muratoviana si affianca una lettura nuova, uno sguardo altro. Per Osorgin, infatti, Roma fu prima di tutto una casa (in cui risiedette stabilmente tra il 1908 e il 1917) e la sua visione, intrisa di interessi sociali e politici per la città viva, per il suo popolo, per gli usi e i costumi, è capace di dare una concretezza nuova e pulsante, alla definizione del sentimento stesso.

***Le novelle italiane di Pavel Muratov nel contesto della prosa minore russa
dell'inizio del XX secolo***

Anastasija Fedorova
Università di Firenze
anastasiia.fedorova@unifi.it

All'inizio del XX secolo gli scrittori russi si sono concentrati sull'epoca del Rinascimento, reinterpretando le sue immagini e riscoprendo i generi minori della prosa, come la novella, che si è sviluppata originariamente nell'Italia rinascimentale. In questo contesto si propone un'analisi delle novelle di Pavel Muratov che esplorano temi italiani, ossia *Morto da Feltre* e *Tirannicidi*, tratte dalla raccolta *Eroi e eroine*, e *Virgilio nel cesto*, incluse nei *Racconti magici*. Le opere di Muratov sono state poco studiate dagli studiosi nel contesto della prosa di fine XIX - inizio XX secolo. D. Rizzi ha evidenziato per la prima volta la scarsa considerazione dell'opera in prosa di Muratov, definendola "una zona bianca negli studi sul modernismo russo". Il presente intervento intende esaminare le novelle muratoviane tenendo conto dello stile complessivo dell'autore e del contesto novellistico coevo di argomento italiano, al fine di individuare sovrapposizioni, similitudini e differenze nella percezione di Muratov e degli altri autori dell'epoca rinascimentale.

Павел Херц – второй забытый гений. О польском контексте «Образов Италии»

Хальшка Фрызьлевич
Ягеллонский университет, Краков
halszka.fryzlewicz@interia.pl

Главным героем предлагаемого доклада является Павел Херц – автор польского перевода *Образов Италии*. Именно благодаря его стараниям польские читатели смогли познакомиться с этой замечательной книгой.

Во вступительной части доклада автор определяет образ и значение Павла Муратова в восприятии польских интеллектуальных кругов. Далее приводится краткая биография Херца и его вклад в польскую культуру в качестве как переводчика, так и литературоведа. В следующей части доклада дается описание обстоятельств, предшествовавших изданию *Образов Италии* в Польше, и попытка ответить на вопрос, почему именно польский перевод долгое время был единственным в мире иностранным переводом книги Муратова. На наш взгляд, феномен этого замечательного труда состоит, во-первых, в том, что он возник по собственной инициативе переводчика, который сам решил, что от любви к *Образам Италии* и их автору он переведет их, отдав все силы для того, чтобы сделать это как можно лучше. Во-вторых же, можно предположить, что искусству присущ своего рода межкультурный характер, который находит свое выражение в особой связи между автором произведения и его переводчиком.

Италия и Павел Муратов в эпистолярной Ходасевича

Наталья Гусева

Университет Кьети-Пескара
natalia.guseva@unich.it

Живой образ Павла Муратова был бы неполным без свидетельств и воспоминаний его современников - друзей и близких людей. Владислав Ходасевич, поэт, литературный критик и интеллектуал своего времени, как и П. Муратов, с 1922 г. жил в эмиграции. Его эпистолярное наследие приоткрывает дверь во внутренний мир поэта и интеллектуала, обнажает мысли и переживания автора наряду с его поэзией, но без присущей ей стилизации. Письма свидетельствуют, прежде всего, о жизненных обстоятельствах автора, о том «даре жить», который для эпохи символистов был частью житнетворческого метода [Ходасевич 1991]. Письма Ходасевича, как и его камер-фурьерский журнал, это ряд моментальных снимков людей, событий, не предназначенных для публикации зарисовок с натуры, позволяющие полнее воссоздать атмосферу окружения Павла («Пати» в письмах Ходасевича) Муратова, настроения, видение стран, контекстов, настоящего и будущего в то непростое для русской культуры время.

Pavel Muratov and the Laboratory of Art: A Note on Aesthetic Theory

Lena L. Lenček

Reed College, Portland, Oregon, USA
llencek@reed.edu

In 1924, Pavel Muratov published in “Sovremennye zapiski” the essay *Anti-iskusstvo* an ambitious summation of his understanding of the social, indeed spiritual, function of Western art and the trajectory of its representational and ideological development from antiquity to the present. Drawing on his meticulous study of Byzantine, Renaissance, and Baroque art, Muratov proposes that the Impressionist moment in Western art introduces a rupture in the humanist conception and practice of art and marks the emergence, in the form of Cubism and Non-Representational art, of phenomena diametrically antithetical to what he defines as “art.” The polemical polarization of Muratov’s scheme, as this presentation will propose, overshadows a root intuition that informs not only this essay, but is continuous with his aesthetic theory and method in his monumental *Obrazy Italii*: the hypothesis that art functions as a laboratory in which individuals and civilizations project their cognitive, ethical, and existential responses to the dynamic flux of historical events.

О мечте Ксении Муратовой

Якоб Марголис

Международный Научно-исследовательский Центр Павла Муратова; Штутгарт, Германия
jakob_margolis@gmx.de

Широту души человека можно измерить количеством людей, которые о нём помнят. Важны воспоминания, особенно о неординарном человеке, важно упоминание его имени. Ксения Муратова пригласила меня приехать к ней в Париж, чтобы помочь разобрать её архив и подготовить его к переезду в Рим. Это была её мечта: перевезти архив в Рим и поместить его в музей Павла Муратова. Но мечте не суждено было сбыться: сначала заболел муж Ксении, а потом и она сама.

Мне не посчастливилось встретиться в этом мире с Ксенией Муратовой. Но мы переписывались, вели долгие телефонные разговоры, чувствовали дыхание друг друга, говорили о будущем и мечте Ксении. Мечта говорит о человеке больше, чем его внешность или одежда: скажи мне свою мечту, и я скажу кто ты!

Dimmi il tuo sogno e ti dirò chi sei!

Эдиционная история рассказа Павла Муратова «Посланник»

Елена Матевосян

ГБУН «Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН»
e.startzeva@yandex.ru

В Архиве А. М. Горького хранится черновая рукопись рассказа П. Муратова «Посланник». До настоящего момента рукопись ни разу не выдавалась исследователям. Нахождение рукописи в личном архиве М. Горького вполне объяснимо. Горький привлекал Муратова в свой журнал «Беседа», издававшийся в Берлине, в качестве автора и консультанта по искусствоведческим вопросам. Кроме того, писателя всегда интересовали произведения фантастического жанра. Помимо всего, в рассказе присутствует тема чёрта также близкая творчеству Горького. Фантастический рассказ «Посланник» был напечатан в сдвоенном 6/7-м номере «Беседы» за март 1925 года. Как известно, герой рассказа князь Бельфегор послан из ада на землю для установления «контакта» с ее жителями. После публикации в горьковской «Беседе» рассказ не раз переиздавался. Доклад посвящен его эдиционной истории, начиная с чернового автографа, хранящегося в Архиве А. М. Горького.

**Павел Муратов vs Николай Анциферов: «...aut bene, aut nihil»
(по материалам воспоминаний Н. П. Анциферова об итальянских поездках)**

Дарья Московская

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ИМЛИ РАН)
darya-mos@yandex.ru

Мемуары Николая Павловича Анциферова (1889-1958) донесли до нас не только перипетии его непростой судьбы, они сохранили массу ценной историко-антропологической информации, так как наполнены зарисовками и тщательно проработанными портретами современников, в первую очередь, людей его академического круга: ученых-гуманитариев и краеведов-практиков, профессоров и преподавателей, студентов и гимназистов, общественных деятелей. Эти портреты даны в естественной обстановке, на фоне тех обстоятельств и событий, которые привели к встрече мемуариста с этими людьми.

Обстоятельную галерею портретов дают путешествия Анциферова по разным странам и с различной целью. Особенно богаты научно содержательными встречами были его путешествия с образовательной целью – во Францию по следам Французской революции и в Италию – по следам Данте в 1912 г.

Именно там Анциферову довелось лично познакомиться со знаменитым уже историком культуры Павлом Муратовым. В мемуарах дан эскизный портрет Павла Муратова, обронены весьма скупые характеристики его манеры историко-искусствоведческого анализа «образов» Италии. Анциферова, урбанолога по образованию и роду интересов, в первую очередь интересовали графоведческие эскизы Муратова, в частности, Сиены, с которыми Анциферов не был согласен. В докладе я сосредоточусь на установлении сходств и различий в подходе к интерпретации графоведческих «образов» Италии у Муратова и у оригинального его «подражателя», Анциферова.

Две модели сакрального модернистского экфрасиса: Ж. К. Гюисманс и П. Муратов

Вадим Полонский

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ИМЛИ РАН)
v.polonski@mail.ru

Гюисманс и Муратов представляют собой два стадийных противоположных полюса в истории художественной критики рубежа XIX-XX столетий. Французский автор стоит у истоков модернизма, формируя изначально декадентскую парадигму и затем трансформируя ее в характерную модель «католического обновления». Муратов же во многом резюмирует пройденный модернистской эстетикой «прекрасной эпохи» («серебряного века») путь. То, что в эстетике Гюисманса заострялось как значимое противоречие, плодоносная антиномия («спиритуальный натурализм» в трактовке, к примеру, наследия Матиаса Грюневальда), у Муратова находило гармоничное разрешение в пространстве «одухотворенного эстетизма», примиряющего канон со свободой творческого самовыражения художника. Разница подходов в оптике критиков особо ощутима в интерпретации «Коронования Девы Марии» Фра Беато Анджелико из коллекции Лувра. При этом различия – порой доходящие до антитезы – между обоими авторами требуют обязательного осмысления на фоне единства их общей модернистской почвы. Не случайно и для Гюисманса, и для Муратова важнейший и необходимый этап, подготовивший художественное сознание рубежа XIX-XX столетий к осознанию выдающейся роли итальянских примитивов и древнерусской иконописи в истории искусства, связывается с откровениями импрессионистов и творцов раннего «нового искусства».

Творчество Павла Муратова в оценке Юлия Айхенвальда

Елена Тахо-Годи

МГУ / ИМЛИ РАН / Дом А. Ф. Лосева
tahogodi@mail.ru

В докладе предполагается проанализировать отклики известного критика первой четверти XX в. Юлия Исаевича Айхенвальда (1872–1928) на публикации Павла Муратова 1920-х годов. Айхенвальд, высланный осенью 1922 года на «философском пароходе», стал сотрудником берлинской эмигрантской газеты «Руль» и регулярно печатал в ней свои «литературные заметки», посвященные новинкам художественной литературы. Среди авторов, которым он неизменно уделял внимание, был и Павел Муратов. Айхенвальд откликается: в 1923 г. - на выход в свет его романа «Эгерия» и новеллу «Проспериды», в 1924 г. - на «Образы Италии», рассказы «Castea Nubilis», «Цитера», «Шехеразада», в 1925 г. - на очерк «Искусство и народ» и сатиру «Посланник», в 1926 г. – на комедию «Дафнис и Хлоя» и эссе «Искусство прозы». Анализ откликов Айхенвальда призван продемонстрировать как схождения, так и расхождения двух видных представителей русской эмиграции в их воззрениях на задачи эстетики, а также на судьбы России и Европы.

Презентация книги «Римские письма» Павла Муратова

Михаил Талалай

Российская Академия Наук
talalaym@mail.ru

Презентация книги, опубликованной с финансовой поддержкой Международного Научно-исследовательского Центра Павла Муратова:

Павел Муратов Римские письма / Составление, научная редакция, комментарии Патриция Деотто и Михаил Талалай. – М.: Индрик, 2024. – 192 с.

Впервые собран вместе и прокомментирован цикл очерков писателя и эссеиста Павла Павловича Муратова (1881–1950), вышедших в течение 1926 г. в парижской газете «Последние новости» под общим заглавием «Римские письма». К его знаменитой книге «Образы Италии» они служат ценным дополнением, с новыми темами, в первую очередь, о соотношении великолепного наследия Италии с современной цивилизацией. Муратов вновь проявляет себя как утонченный знаток итальянской культуры, теперь уже с багажом не путешественника-италофила, а постоянного жителя страны, в которую он эмигрировал после революции. Его пристальное внимание к Италии проявляется и в двух других статьях того периода, посвященных новому итальянскому искусству, традиционализм которого (в отличие от доминировавшей французской живописи) представлен как стимул для развития, с успехом реализованный художниками группы «Новеченто».

К биографии У. Д. Аллена, друга и соавтора П. П. Муратова

Василий Толмачёв
МГУ
tolmatchoff@hotmail.com

Доклад посвящен биографии У. Д. Аллена, покровителя и соавтора П. П. Муратова с конца 1920-х годов. Интересная сама по себе (в контексте межвоенной и ранней послевоенной действительности: связи Аллена с британским бомондом, Италией, Германией, английской фашистской партией, британскими спецслужбами), она, возможно, способна пролить свет на биографию П. П. Муратова 1930-1940-х годов. Предполагается демонстрация редких фото усадьбы Аллена в окрестностях Уотерфорда (Ирландия), где скончался П. П. Муратов.

La Venere di Botticelli all'origine di un'idea di Rinascimento negli scritti di Pavel Muratov

Lucia Tonini
Università di Pisa
lucia.tonini@gmail.com

A partire da un primo articolo su “Starye gody” (1911), Sandro Botticelli è stato al centro delle riflessioni e delle osservazioni di P. Muratov riguardo al Rinascimento in un'epoca che riscopriva l'artista (H.P. Horne, *Sandro Botticelli*, 1908). Oggetto primario di una nutrita serie di considerazioni da parte di Muratov è *La nascita di Venere*, che diventa ‘icona’ in grado di riflettere e assieme promuovere il luogo e l'epoca in cui era stata dipinta, ovvero Firenze e il Rinascimento. L'intervento propone una breve indagine sul ruolo di Muratov nella fortuna in Russia di quest'opera e del suo autore.

«Возраст России» Павла Муратова: взгляд из эмиграции

Ирина Ваганова

СЗИУ РАНХиГС

vaganova1512@gmail.com

В эмиграции Павел Муратов часто обращается к русской истории и истории русского искусства. Интерес к этим темам у Павла Муратова был, конечно, всегда, но в эмиграции он подает их более глубоко, более аналитично, рассматривая отдельно взятый вопрос в контексте единого общекультурного пространства. Явное тому доказательства - его статья «Возраст России», опубликованная в газете «Возрождение» (Париж), 10 ноября 1933 года. Впервые к этой теме Павел Муратов обратился еще в России до Первой Мировой войны. Небольшое по объему эссе «Возраст России» Павла Муратова открывала первый номер журнала «София», который в 1914 году они издавали вместе с К. Ф. Некрасовым. Спустя ровно 30 лет Павел Муратов выступает 31 октября 1933 года в Лондоне на заседании Англо-русского общества с докладом, который называется также «Возраст России». Этот доклад и лег в основу статьи в парижском «Возрождении». Отличие первого эссе и одной из последних публикаций на эту тему (есть предположение, что у Павла Муратова было около 20 редакций статьи «Возраст России») не только в объеме, а прежде всего в глубине и смелости мысли. «Русский европеец» - как справедливо называли Муратова – и манеру письма изменил: его перо уже не романтично-размашистое, а уверенно, твердое, порой даже жесткое.